

Далия
ТРУСКИНОВСКАЯ

ДВЕРИНДА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Т77

Миры Далии Трускиновской

Трускиновская, Д.

Т77 Дверинда: Сборник / Д. Трускиновская. — М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. —
518 с. — (Миры Далии Трускиновской).

Волшебные миры Далии Трускиновской понравятся каждому любителю фантастики. Есть тут фэнтези классические — с эльфами, гномами, рыцарями, магами, феями и приключениями. Есть и фэнтези фольклорные — с домовыми, лешими, кикиморами, водяными, болотными чертями и, опять же, с приключениями. Есть даже фэнтези мистические — герои бродят по границам между мирами, где оживают слова и философствуют тараканы — те самые, что в голове. В этих книгах любой читатель найдет себе персонажей и сюжеты по вкусу. Эльфы? Получайте! Домовые? Получайте! Лабиринты астрала? Добро пожаловать!

BIC FA
BISAC FIC000000

© Даalia Трускиновская, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
ISBN 978-5-521-74178-6 © Т8 Издательские технологии, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Дверинда	5
Монах и кошка. Кайдан	173
Часть первая.....	175
Часть вторая.....	259
Свинская история	345
Жалобный Маг.....	411

ДВЕРИ И ДА

И тут капитан Чернышев понял, что именно так и начинается шизофрения.

— Вы что-то путаете, товарищи! — убежденно сказал он — Этого быть не может. Ваша загадочная рука появилась, скорее всего, вот отсюда...

Он показал на черную портьеру, наглухо закрывавшую окно, — свет снаружи здесь, в этом закутке, в трех шагах от сцены, был совершенно нехвата.

Главный режиссер Берман отдернул портьеру. Оконный переплет, стекло, подоконник — все было покрыто вековой пылью и грязью.

— Окно сто лет не открывали. Теперь и захочешь, а не сумеешь, тем более снаружи, — сказал режиссер.

— Вы тоже верите, что эта чертова рука возникла из шкафа? — с надеждой на решительное «нет» спросил Чернышев.

— Это маразм, — ответил режиссер, — но это так!

История была преуражающая.

Шел спектакль «Ромео и Джульетта». Роль Джульетты исполняла режиссерская жена. Годы никого не красят, и для такой юной роли жене изготовили роскошный длинный и кудрявый парик. С собственными своими волосами она давно уже на сцене не показывалась.

И вот стоит эта стареющая Джульетта за кулисами в ожидании своего выхода. Прямо перед ней — лесенка в три ступеньки, ведущая на сцену. Рядом с лесенкой, возле задрапированного окна, железный и вечно запертый шкаф. Потом, если по периметру помещения, это самое окно, стена с вешалкой, дверь на служебную лестницу, опять стена и проход за сцену. Спрятаться, в общем, негде.

Стоит Джульетта и беседует со своей подружкой юношеских лет, которая тогда была моложе и перспективнее, а сейчас играет Джульеттину няню. Великое в театре дело — личная жизнь с главным режиссером. И вот уже пора Джульетте резвой девчачьей побегжкой выноситься на сцену. И ставит уже Джульетта отягощенную варикозным расширением вен ножку на первую, чуть подсвеченную снизу слабой лампочкой, ступеньку, и тут происходит черт знает что.

Дверь шкафа отворяется, оттуда высовывается черная рука, вцепляется в парик, сдирает его вместе со шпильками и исчезает в шкаф.

Естественно, Джульетта вздрагивает, а кормилица начинает ломиться в шкаф. Дверь не поддается.

Осознав, что давно пора быть на сцене, а с убогим хвостиком на затылке это ну никак невозможно, Джульетта начинает метаться по закутку, сшибает вешалку со средневековыми плащами и, наконец, шлепается на пол.

Сверху прыгает разъяренный помреж, бросивший на произвол судьбы пульт и растерянных персонажей на сцене. Он жаждет знать, какого хрена Джульетта задерживается. Увидев ее без парика, помреж столбенеет. И его разбирает истерический хохот. Все — Скандал. Занавес.

А теперь капитан Чернышев должен разобраться в этой мистике и найти виновника. Помощи ему при этом ждать неоткуда. Театральный коллектив, как и полагается, делится на три партии. Первая — приверженцы режиссерской жены. Вторая, более многочисленная, — ее ярые противники. Третья те, кто выше всей этой возни, они проповедуют святое искусство. Естественно, на резонный вопрос следователя, а не подозревает ли кого-нибудь сама Джульетта, он слышит длинный список врагов обоего пола. И прямо при Чернышеве начинается жуткая катавасия.

Актеры и актрисы упрекают друг друга во всевозможных грехах, партии схватываются стенка на стенку, режиссер вызывает о валидоле.

В разгар склоки сверху прибегает костюмерша и сообщает, что парик найден. Он на четвертом этаже, надет на огнетушитель. Все несутся вверх — смотреть на парик. Остаются режиссер Берман, его супруга, Чернышев и театральный электрик, владелец ключей от шкафа. Это его хозяйство, там хранятся прожектора и еще какая-то дефицитная мелочевка.

Электрик отпирает шкаф — с трудом, потому что не часто туда лазает. Двери со скрежетом расходятся.

Полки. На полках железяки. Кошке поместиться негде. Если сунуть внутрь руку, упруешься в железную стенку шкафа. И никаких следов черной руки.

Чернышев с подозрением посмотрел на режиссера — уж не дурачат ли здесь сотрудника органов? Режиссер сделал движение кистью руки, уперев большой палец в собственный висок. Джульетта полезла в шкаф — убедиться в его непроницаемости.

— Знаете что? — решительно сказал Чернышев. — Это обыкновенное хулиганство. У меня таких хулиганских дел знаете сколько?

Ему нечего не ответили.

— Если вы настаиваете, я заведу дело, — продолжал Чернышев — Если вы настаиваете.

Джувьетта всхлипнула. Теперь, когда парик нашелся, не грех было и поплакать.

— Где тут у вас выход? — спросил Чернышев. Его вывели из театра.

За дверью храма искусств бурлила нормальная человеческая жизнь, без всякой мистики. И капитан Чернышев бодро зашагал по улице и даже улыбнулся, увидев забавного карапуза. Он бодрым шагом уходил подальше от шизофрении.

Недели за две до описываемых событий режиссерская жена лежала у себя в квартире на диване и копила злость. Наверху, прямо над ее головой, соседи катали бревна и бочки, а также кантовали железнодорожные контейнеры.

Накопив достаточно, она встала с дивана и прямо в халате отправилась разбираться.

Ей открыла женщина лет тридцати, тоже в халате. В руке у соседки была тряпка, из-за спины выглядывал мальчик пяти-шести лет с игрушечным грузовиком на веревочке.

Если бы соседка уделяла своей внешности хоть четверть того времени и тех средств, что режиссерская жена, она была бы очень хороша собой. Но сейчас, когда эта затюканная жизнью соседка находилась в состоянии холодной войны со всеми близкими людьми, кроме сына, и лицо и фигура оставляли желать лучшего. Стрижку она делала год на-